Смысловые функции определений в рассказе А.П. Чехова

Галина Михайловна Шипицына

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Статья из журнала «Русский язык и литература для школьников». — 2013. - № 4. — С. 26–33.

- Галина Михайловна Шипицына

Галина Михайловна Шипицына Смысловые функции определений в рассказе А.П. Чехова «Хамелеон»

Многие свои рассказы А.П. Чехов писал по заказам редакторов газет, которые отводили ему для них небольшое и часто совершенно определенное количество строк. В таких рассказах писателя, как правило, ни одного малозначительного слова нет. А.П. Чехов тщательно работал над лексическим составом своих произведений, освобождая их от слов, без которых можно обойтись. Еще и поэтому рассказы писателя не содержат развернутых описаний природы, окружающей обстановки, сопутствующих основному действию событий, рассуждений автора о случившемся и т. п. В рассказах А.П. Чехова мы не найдем обилия метафор, сравнений и других тропов, а также стилистических фигур, вводимых ради украшения стиля. Его рассказы представляют собой блестящие образцы лаконичной прозы с выразительным и ясным языком, который достигается высокой точностью словоупотребления, логичными и правильными синтаксическими конструкциями. Реплики персонажей ориентированы на живую речь представителей тех или иных социальных слоев населения с учетом своеобразия национально-русских характеров. В рассказе «Хамелеон» вполне проявилась стилевая манера А.П. Чехова: он не обличает своих героев, он словно бы наблюдает за ними и всем происходящим со стороны. В описании событий констатирует немногие, но всегда значимые факты, а уж дело читателя увидеть за этими фактами и словами упрятанные в них дополнительные смыслы.

Определения, выраженные именными частями речи (именами прилагательными, именами существительными, порядковыми числительными и местоимениями) и причастиями употребляются в коротких рассказах А.П.Чехова нечасто, но когда они есть в тексте, стоит задуматься над их изобразительной и текстообразующей ролью, над тем смыслом, который писатель с помощью определений выразил экономно и с присущим ему тонким юмвром. Слова-определения могут быть носителями завуалированных смыслов, которые внимательный и вдумчивый читатель распознает при чтении произведения. С этой точки зрения посмотрим на различные определения (иногда и именные сказуемые) в рассказе «Хамелеон». Первый абзац рассказа:

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель

Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городовой с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина… На площади ни души… Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

С первых же слов читателю предлагается много информации, таящей в себе загадку, которая, впрочем, легко отгадывается при дальнейшем чтении. Называются два человека, пересекающих базарную площадь, но не сказано, идут ли они вместе. Употреблена форма единственного числа глагола: *идет* полицейский надзиратель по фамилии Очумелов. Фамилия говорящая и смешная, но все же фамилия. Имя не указано, оно и не нужно, так как по имени этого господина никто в рассказе не называет. Отсутствием имени писатель подчеркивает, что персонаж этот действует как официальное лицо, значит, важно указать его должность (полицейский надзиратель), а не имя. Обращаясь к Очумелову, пострадавший от собаки Хрюкин и человек из толпы называют его ваше *благородие,* что означает значительность чина Очумелова, который еще и в форменном пальто — на нем шинель. Слова *ваше благородие* до 1917 года служили формой титулования и официального почтительного обращения к военным и гражданским чинам с 14-го по 9-й класс включительно (примерно званий от мичмана до капитана) в соответствии с «Табелем о рангах» (СлРИ — Словари: *Даль* — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка — М., 1994; МАС — Словарь русского языка в 4-х томах. — М., 1957–1961; СлРИ — Словарь русских историзмов / Под ред. Т.Г. Аркадьевой. — М., 2005; ФС — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.П. Молоткова. — М., 1967.). За Очумеловым не идет, а *шагает* городовой. Городовой — это низший чин городской полиции, так что идущие через базарную площадь не равноправны по чину, потому так и идут — не рядом и не вместе.

Фамилии городового писатель пока не сообщает, городовой наделен одним, но ярким признаком — *рыжий.* Почему не русый и не черный по цвету волос, а именно *рыжий?* Если учесть, что в рассказах А.П.Чехова не бывает слов, не нагруженных важной информацией, можно предположить, что имя прилагательное *рыжий* выбрано не случайно. Этот цвет волос используется народным сознанием для выражения идущего из древности противопоставления своих (русых, светлоглазых славян) и чужих. У славян рыжий цвет волос не частый, и в восприятии народа он связан скорее с отрицательными качествами обладателя волос

такого цвета как носителя иной культуры, а значит, непонятного, возможно, опасного, к которому следует относиться настороженно, недоверчиво. Об этом свидетельствует пословично-поговорочный фонд языка, в котором представлены веками сформированные стереотипы народного менталитета, отражающие культурную идентификацию этноса в аспекте «свой; такой, как мы» — «чужой; не такой, как мы, потому ему не следует доверять». В частности, есть поговорка *А я (ты, он) что — рыжий?* в которой слово *рыжий* означает «хуже или глупее других» (МАС). Есть и пословично-поговорочные выражения с предупредительной прагматикой: *С рыжим дружбы не води, с черным в лес не ходи; Рыжий да красный — человек опасный; Рыжих и в святых нет* (Даль). Конечно, хороший человек может быть с любым цветом волос и нельзя прямолинейно судить о качествах человека с тем или иным цветом волос. Но вполне возможно и то, что с помощью имени прилагательного *рыжий* (городовой) писатель хотел вызвать у читателя ассоциации ментального характера, намекнуть читателю, что человек этот не надежный, не свой.

Зачем понадобилось сообщение, что Очумелов, а за ним городовой идут именно *через базарную площадь?* Определение *базарную* с какой целью введено? И в каком направлении идут полицейские — к базару или от базара? Из следующего предложения становится ясно, что они возвращаются с базара, поскольку городовой шагает *с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником.* В этой фразе ключевое слово *конфискованным (конфискация* — это принудительное и безвозмездное изъятие денег, имущества и т. п. в собственность государства (МАС). Итак, оказывается, эти блюстители порядка якобы исполняли на базаре свои служебные обязанности. Но что они конфисковали, какой контрабандный, опасный и запрещенный к продаже товар — подпольный, кустарный алкоголь, наркотики, оружие, яды? Нет, для «государственных» нужд понадобился крыжовник. Очень смешно, не правда ли?

Но определением-причастием *конфискованный* в соединении со словом *крыжовник* сказано еще и другое. Крыжовник созревает обычно в августе. В более северных широтах, возможно, в начале сентября, но все равно это теплое (если не жаркое) время года. Так какая была погода в этот день? И почему читателю важно это знать, а писателю непременно сообщить читателю?

В тексте рассказа писатель нам еще несколько раз (кроме как словом *крыжовник)* косвенно сообщает о том, что день был жарким.

Во-первых, это дается понять все тем же словом *рыжий:*

поскольку рассказчик сразу увидел, что городовой — *рыжий,* скорее всего, городовой был без головного убора, значит, было не холодно.

Во-вторых, у лавок и кабаков *открытые двери* (очевидно, было душно и жарко). Причастием *открытые* также объясняется, почему так быстро *(словно из земли выросши)* могла собраться толпа: народ, находящийся в лавках и кабаках, а также на базаре, смог быстро собраться, чтобы посмотреть на происшествие.

В-третьих, о том, что день был жарким, писатель нам сообщает описанием одежды пострадавшего от собаки Хрюкина: Хрюкин был *в ситцевой крахмальной рубахе и расстегнутой жилетке.* Ситец, как известно, легкая, тонкая хлопчатобумажная ткань. А надетую поверх рубахи жилетку ему пришлось расстегнуть. Вопрос о жаркой погоде настолько важен для понимания ситуации и раскрытия образа Очумелова, что автор дважды упоминает о расстегнутой жилетке Хрюкина, словно старается помочь читателю это усвоить. Более того, писатель в реплику Очумелова вставляет восклицание *Ужас, как жарко!*

Итак, с помощью небольшого числа прилагательных: *новая* (шинель), *рыжий* (городовой), *ситцевая* (рубаха) и причастий-определений: *(конфискованный* (крыжовник), *открытые* (двери), *расстегнутая* (жилетка) — выражен комический смысл: в ужасную жару в теплом форменном пальто (в шинели) полицейский надзиратель Очумелов ходил на базар за крыжовником, но его он не покупал, а взял в виде конфискации, поскольку он государственный служащий, наделенный полномочиями по надзору за порядком и соблюдением законности в данной местности. И смешно и грустно! Грустный смех и смешная грусть — как всегда в произведениях А.П. Чехова.

Для чего, интересно, читателю надо понять, что день был жарким? Только для того, чтобы удивиться и посмеяться над Очумеловым? Нет, конечно. У читателя рассказа возникает вопрос: почему же полицейский надзиратель Очумелов надел (в жару!) шинель? Объяснение дано в первом же предложении рассказа. В нем ключевое слово-определение — имя прилагательное *новой:* Очумелов идет в *новой* шинели. Полицейский надзиратель захотел покрасоваться в жаркий день в новой шинели, но почему?

Объяснений может быть три: или Очумелову недавно присвоили более высокий чин, и он захотел продемонстрировать это народу с помощью соответствующего новому чину пальто, или он облачился в форменную одежду для придания большей степени официальности и законности конфискации крыжовника на базаре (возможно и это: ведь что-то он еще лично нес в узелке

с базара, видимо, более ценное, чем крыжовник, но что именно было в узелке — посторонний наблюдатель-рассказчик этого не мог увидеть, потому и читателю не сообщил). А может быть, Очумелов надел в жару свою новую шинель потому, что хотел похвастаться обновкой, будучи щеголем (последнее менее вероятно).

Судя по тому, как (до известия о том, что собака генеральская) воинственно, в категорично-приказном тоне *(строго, шевеля бровями)* Очумелов реагирует на невыполнение распоряжений начальства, употребляя при этом выражение, похожее на цитату из соответствующего распоряжения *собака и прочий бродячий скот,* можно предположить, что он совсем недавно повышен в должности и потому так старается показать, что будет требовать соблюдения правил, записанных в постановлениях начальства, наведет во всем порядок:

Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать! (показать кузькину мать — грубое просторечное выражение со значением «проучить, жестоко наказать кого-либо, всыпать кому-либо» (ФС).

В этих восклицаниях выражаются подлинное негодование и искреннее желание наказать владельца собаки. Очумелов в соответствии со своими (предположим, новыми) служебными обязанностями и полномочиями очень уверенно, в начальственном тоне уже отдает и распоряжение насчет собаки: *А собаку истребить надо. Не медля!*

Новая шинель полицейского надзирателя становится важной деталью в композиции рассказа: Очумелов велит городовому Елдырину снимать шинель, затем снова надевать на него, как только появляются сведения о владельце собаки. Сначала сказали, что владелец — это генерал, затем — его брат *(братец* — ласково говорит о нем Очумелов). Манипуляции с шинелью выполняют функцию информационной прослойки, чтобы избежать резкого перехода от угроз владельцу собачки к другим интонациям и решениям. Манипуляции с шинелью также сигнализируют о смене эмоционального состояния Очумелова: его бросает то в жар, то в холод, начинает даже знобить. Это свидетельствует о том, насколько важно для него точно установить, кто хозяин собаки, поскольку только этим он и будет руководствоваться в принятии решений о судьбе собаки и возможном наказании ее хозяина, а вовсе не законами и постановлениями. Перед Очумеловым сложный выбор: пока он

точно не знает, чья собака, он не может решить, кого надо объявить виновником происшедшего — хозяина собаки (как сказано в соответствующем постановлении) или, если эта собака принадлежит генералу, — самого пострадавшего Хрюкина.

Обратим внимание на характеристики собаки со стороны Очумелова. До получения известия о ее высокопоставленном владельце полицейский надзиратель характеризует собаку и ее хозяина в грубых выражениях: *А собаку истребить надо. Не медля! Она, наверное, бешеная!.. Ни шерсти, ни вида… подлость одна только… И этакую собаку держать? Где же у вас ум?*

При появлении сведений о том, что собака генеральская, характеристики меняются, появляются оценочные имена прилагательные положительной тональности, которая проявляется особенно ярко на фоне грубых просторечных слов по адресу пострадавшего Хрюкина: *Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь… А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять!*

Слова сочувствия Хрюкину *(Ты. Хрюкин, пострадал, и дела этого не оставляй… Нужно проучить!)* меняются на прямые оскорбления в адрес этого же Хрюкина — *свинья, болван* и даже палец у него *дурацкий.*

Интересно также употребление оценочного имени прилагательного *маленькая* в контексте *Нечто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила!* Прилагательное *маленькая* (в данном употреблении оно в составе сказуемого), употребляемое в обиходно-разговорной речи, образовано от слова *малый* с помощью суффикса — *еньк(ий),* придающего качественным именам прилагательным ласкательный оттенок (сравн.: *кругленький, беленький, голенький, чистенький).* Как писал академик В.В. Виноградов, их значение состоит не в выражении качества предмета, а «в выражении отношения субъекта к качеству предмета» (Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М., 1972. — С. 199.), поскольку качественные имена прилагательные «допускают возможность широких экспрессивных колебаний оттенков качества» (Там же. — С. 194.). Профессор И. Мандельштам писал о подобных прилагательных так: «Как в обыденной речи, так и в народной поэзии, и в литературных произведениях слышится часто в уменьшительных суффиксах нечто, соответствующее суффиксам — *оватый,* — *еватый,* т. е. присутствие качества в некоторой степени. Но над этим значением ложится отношение говорящего — то симпатия, то антипатия, в зависимости от содержания самого слова (ср.: *пошленький, подленький* и

*глупенький, слабенький) (*Мандельштам И. Об уменьшительных суффиксах в русском языке // Журнал министерства народного просвещения. — 1903, № 8. — С. 83.).

Безусловно, именем прилагательным *маленькая* полицейский надзиратель Очумелов выражал не величину собаки, а вдруг появившееся чувство симпатии к испуганному животному, когда кто-то из толпы сообщил, что она принадлежит генералу Жигалову. При подтверждении этой информации Очумелов продолжает характеризовать собаку в этой же тональности умиления и восхищения, используя оценочные имена прилагательные в роли определений и сказуемых: *Она, может быть, дорогая; Собака — нежная тварь; шустрая такая… Цап этого за палец! Ха-ха-ха…*

Золотых дел мастер Хрюкин при подтверждении, что собака *генеральская,* полностью потерял и сочувствие, и элементарное уважение к себе со стороны Очумелова. Последний уже и по фамилии его не называет, а использует указательное местоимение *этого,* употребленное в данном контексте в роли имени существительного (дополнения). Слово *этот* в обозначении присутствующего при разговоре о нем лица получает контекстно обусловленный смысл «один из ряда себе подобных, многих; лицо, незначительное настолько, что уже неважно, кто именно из этого ряда». Такой смысл выражает бесцеремонное пренебрежение к обозначенному таким способом лицу, не заслуживающему индивидуализации личности. На фоне генерала Жигалова и его братца Владимира Ивановича золотых дел мастер Хрюкин для Очумелова стал ничтожной личностью, его и называть-то конкретно он уже не счел нужным. Но ведь Хрюкин — это, во-первых, не простой рабочий, он специалист, он *мастер,* а во-вторых, работа у него тонкая, требует вкуса и других хороших качеств профессионала — он ювелир и изготавливает не дешевый массовый товар широкого потребления, он создает или исправляет, ремонтирует украшения из золота, то есть дорогие *(«работа у меня мелкая», —* говорит Хрюкин. Очевидно, он имел в виду, что это работа с мелким предметом, штучная, утонченная). Человеком этот мастер должен быть важным, однако большого уважения к себе он не вызвал не только у Очумелова, но и у наблюдателя-рассказчика. Ведь достойной фамилией писатель этого мастера-ювелира не наделил. Может быть, потому, что при встрече с собакой Хрюкин *цигаркой ей в харю для смеха?* Человек из толпы охарактеризовал этого мастера так: *вздорный человек, ваше благородие! (Вздорный* — склонный к ссорам, сварливый; человек неосновательный, неавторитетный для людей (МАС). Может быть, Хрюкин и действительно так развлекался с собакой.

Автор рассказа как посторонний наблюдатель, свидетель событий, сообщает читателю только то, что сам видит и слышит. Сюжета с цигаркой он не видел, потому и не подтверждает его, и не опровергает. Возможно, писатель фамилией персонажа подсказывает нам, что Хрюкин мог так потешаться над собачкой. Иначе почему у него фамилия такая — *Хрюкин?* У генерала вот нормальная фамилия, благозвучная (Жигалов), у владельца дровяного склада, купца, тоже нормальная фамилия — Пичугин, да и называет его Хрюкин по имени и отчеству — Митрий Митрич (то есть Дмитрий Дмитриевич). Эти господа даже не присутствуют при происходящем, но названы автором рассказа не смешными и не говорящими именами и фамилиями. Важно и то, что по окончании события *толпа хохочет над Хрюкиным,* сообщает нам рассказчик-наблюдатель. Только над одним Хрюкиным и больше ни над кем. А ведь люди из толпы могли знать, что за человек этот Хрюкин. Сочувствующих ему людей в толпе не нашлось.

Для подтверждения нашего предположения о том, что Хрюкин нарочно спровоцировал собаку на агрессивную защиту, обратимся к моменту первого появления Хрюкина на публике: *На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы.* Определение в словосочетании *на полупьяном лице* и демонстрация победы над собакой (которую он, кстати, поймал предусмотрительно: *падает на землю и хватает собаку за задние лапы* — свидетельства в пользу того, что Хрюкин планировал-таки *сорвать,* то есть получить компенсацию за собачий укус на основе тех самых постановлений властей города, о которых говорит Очумелов. Так что этот *полупьяный, вздорный* человек и не заслуживает другой фамилии, несмотря на профессию, — он *Хрюкин.*

Узнав точно, чья перед ним собака, Очумелов уже и к самой собаке обращается в ласково-игровой манере: *«Ну, чего дрожишь? Ррр… Рр… Сердится, шельма… цуцик этакий…».* Слово *шельма* в данном контексте употреблено как выражение одобрения и восхищения собакой в значении «ловкий, хитрый, плутоватый»; *цуцик* — просторечное слово со значением «щенок, небольшая собачка» (МАС). Определительное (в данном контексте оно употреблено как определительное) местоимение *этакий,* передает в разговорной речи общую положительную оценку, чувство умиления, удивления и восхищения.

Определение *ихний,* выраженное просторечным местоимением в реплике генеральского повара *Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч…* и в восклицании Очумелова *Да разве*

братец ихний приехали? интересно своей формой множественного числа, хотя характеризует одного человека, то есть употребляется вместо слова *его.* Множественным числом выражаются значения подобострастия, раболепия, подчеркивается более высокое положение лица, о котором говорят, в сравнении с положением говорящего. В реплике повара это закономерно: употребление по отношению к господам притяжательного местоимения во множественном числе (на месте единственного числа) было нормой для прислуги. Но в реплике полицейского надзирателя слово *ихний* наполнилось именно таким оттенком смысла — усиленное подобострастие.

Хрюкин говорит о присутствующем при разговоре полицейском надзирателе: *«Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом»* — та же форма множественного числа у местоимения *их* и глагола *понимают.* У этих слов подчеркнутый смысл выражения лести с целью расположить к себе Очумелова — *умного господина.* В последнем словосочетании употреблено несколько неожиданное слово *господина,* вместо ожидаемого и более частотного в соединении с прилагательным *умного* существительного *человека,* чем еще раз Хрюкин демонстрирует свое уважение к полицейскому надзирателю.

Таким образом, в рассказе А.П. Чехова «Хамелеон» определения, выраженные различными частями речи, играют существенную роль не только в создании композиционной структуры текста, но и в раскрытии образов его персонажей, прежде всего главного описываемого лица — полицейского надзирателя Очумелова. С помощью определений (иногда сказуемых в определительных значениях) выражаются эмоции этого персонажа. Контрастным сочетанием различных по стилистике и сфере использования определений (грубых просторечных — когда хозяин собаки неизвестен, и ласкательных, игриво-нежных — когда выясняется, что хозяин — генерал, на фоне нейтральных языковых средств) создается удивительный контраст в речевом портрете Очумелова. Его речь сама по себе обеспечивает экспрессию всего текста рассказа, воздействующую на читателя, тем самым писатель уже «освобожден» от выражения прямых оценок речевым поступкам своего персонажа и донесения до читателя идейного замысла своего произведения. Писатель, избравший для себя роль постороннего наблюдателя происходящего, пассивного свидетеля высказываний разных людей, представил эти высказывания в форме протокольно точных записей и от этого своего выбора не отступает на всем протяжении повествования.

Безусловно, с помощью рассмотренных в данной статье определений выражена далеко не вся гамма эмотивно-экспрессивного и содержательного смыслов этого произведения, а только часть этих смыслов. Не менее значимы и другие языковые средства этого рассказа (например, очень интересны здесь частицы), но они требуют специального рассмотрения.

Галина Михайловна Шипицына *доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методик преподавания Белгородского ГУ*